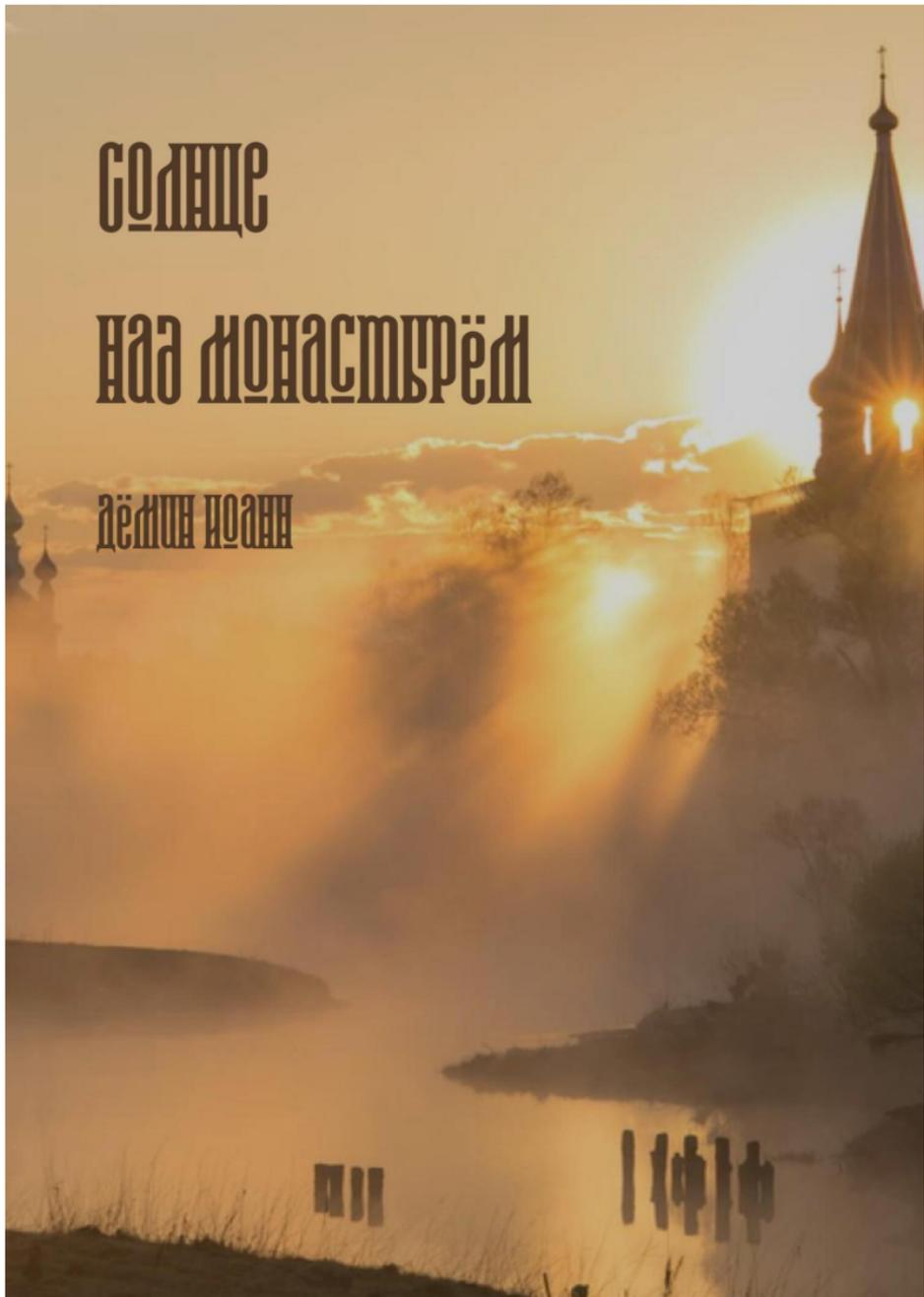

СОЛНЦЕ

НАД МОНАСТЫРЁМ

ДЕДУШЕ ИРОДИ

Иоанн Дёмин

Солнце над монастырём

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69197824

SelfPub; 2023

Аннотация

Переживание психологической травмы в далёком от мира таёжном монастыре. Новый рассказа автора о том, как важно уметь отпускать прошлое.

Иоанн Дёмин

Солнце над монастырём

Я просыпаюсь в холодной келье, растёгиваю спальный мешок, единственное средство, спасающее от мороза. Огонь в старой буржуйке давно потух, лишь слабо тлеют сгоревшие угли. Сквозь щели в оконной раме, небрежно заделанные стекловатой и монтажной пеной, прорывается холодный промозглый ветер, заставляющий вздрагивать при каждом его дуновении. Конец октября: здесь, в сибирской тайге, уже настоящая зима.

Я опускаю босые ноги на холодный пол, натягиваю тёплые носки из собачьей шерсти, обуваюсь, накидываю потрёпанный меховой тулуп и выхожу из комнаты.

В трапезной Инок уже закипятит воду. Я опускаю руки в эту прозрачную согревающую жидкость и чувствую, как тепло лёгкими струйками обдаёт всё моё тело. На секунду я погружаюсь в состояние абсолютного блаженства, тут же резко прерываемого внезапной репликой Инока.

– Отнеси Старцу, – говорит он мне, протягивая тарелку, полную только что сваренной каши.

Старцем Инок называет старого иеромонаха, жившего в монастыре ещё до его закрытия. Когда обитель переоборудовали в детскую колонию, он стал жить в ближайшем селе и

служить в местном храме, до которого, к счастью, советская власть не дотянулась. Вернулся Старец обратно единственным дожившим до открытия монастыря монахом и так тут единственным монахом и остался. Сколько ему лет – неизвестно, да никто и не спрашивал. Кажется, ему далеко за восемьдесят, дыхание приближающейся смерти чувствуется в каждом его движении, в каждом слове.

Я вхожу в его келью. Он стоит на коленях у икон, его глаза закрыты, губы шепчут бесконечную молитву. Я чувствую, что его тут нет, сейчас он где-то между двумя мирами, на дороге в будущую жизнь. Я ставлю тарелку на стол, Старец кивает, не поворачивая головы и не прерывая молитвы. Я возвращаюсь в трапезную.

– Старик опять не спал всю ночь, – вздыхаю я, когда Инок подходит ко мне с большим чайником свежесваренного травяного чая.

– Уходит от нас Старец, немного ему осталось, – кивает тот в ответ, – что ж после него с монастырём будет? Он же душа всей обители... А то пришлют кого-нибудь, кто со своими уставами в наш монастырь...

– Может, обитель в порядок приведут.

– В порядок и мы с тобой привести можем. А если людей сюда наедет, то не смогу я, ты понимаешь...

Инок людей не любит. Что с ним произошло, не знаю, он о себе не рассказывает. Только изредка в разговорах мне удаётся по полунамёкам что-то предположить. Знаю, что ко-

гда-то был женат, знаю, что воевал, вероятно, в Чечне. Инок – человек, за свою жизнь повидавший много зла, познавший истинную природу человека и ужаснувшийся. Поэтому он и сбежал сюда, в этот отдалённый и заброшенный уголок планеты. Из-за долгой жизни в монастыре его уже сложно отличить от настоящего монаха. За это я и прозвал его Иноком.

– Я сегодня уезжаю в город, а то скоро есть нечего будет, – заканчивает разговор Инок, вставая из-за стола.

Если он уезжает, значит, мы со Старцем остаёмся здесь вдвоём на несколько дней. Ближайший город отсюда в пятистах километрах: несколько часов сквозь снег по лесному шоссе.

Монастырский УАЗик по-старчески пыхтит, выдыхая из глубины выхлопной трубы серый, отравляющий газ. Однажды, когда наступят настоящие морозы, он не заведётся, и мы останемся здесь, изолированные от всего мира. Инок поспешно рассказывает мне, что где лежит. Я не слушаю его, мне и так всё известно. Я смотрю на поднимающийся к небу дым от натопленной печи и вспоминаю детство, проведённое в маленьком провинциальном городке под Владимиром, зимние вечера, запах хвои и смолы, пруд, превращавшийся зимой в каток...

– И, пожалуйста, присматривай за Старцем, – прерывает Инок мои мечтания.

– Конечно.

УАЗ подпрыгивает в последний раз и скрывается за пово-

ротом. Я стою у выхода из монастыря и ещё долго смотрю на дорогу, словно жду, что он сейчас вернётся. Однако скоро исчезает и звук бурчащего мотора, и лес погружается в белую непроницаемую тишину, изредка нарушаемую раскатистым карканьем где-то вдалеке.

В последнее время на меня часто накатывают воспоминания. Они, как огромная волна, сбивают меня, и я, сам того не желая, начинаю погружаться в бездонную пучину памяти, туда, где когда-то, ещё совсем недавно, всё было хорошо.

Я вхожу в храм. С тёмных обшарпанных стен на меня смотрят лики древних святых. Я останавливаюсь у старого почерневшего креста, пролежавшего полвека в подвале вместе с остальной церковной утварью, вытащенной и приведённой в порядок Иноком. На кануне ярко мерцают в полумраке свечи, оставленные им же перед отъездом. Каждая из них — чья-то отошедшая душа, огонёк памяти и молитвы. Сколько же смертей он повидал, сколько видел боли и страданий.

Я встаю на колени, склоняю голову к земле. Пытаюсь молиться, но слова путаются, а язык заплетается, глаза наполняются слезами. Я хочу это остановить, но чувства не подвластны мне, и вот я снова рыдаю, касаясь лбом холодного пола. Господи, почему? Почему я не могу забыть? Почему я снова и снова вспоминаю этот злополучный день? Боже, ты любишь всех и хочешь, чтобы все были счастливы, так почему я не имею права любить и быть счастливым? Для чего это было нужно? Какой смысл во всех этих бессмысленных

смертях!?

Я опять вижу тебя. Снова ты бежишь навстречу мне через дорогу, кишащую гудящими машинами. Снова шум, гомон, разъедающий лёгкие городской воздух. Ты улыбаешься. Чему ты радуешься, я уже никогда не смогу узнать. Умереть счастливой, что может быть лучше? Я снова слышу оглушительный гудок, разрывающий барабанные перепонки, звук удара человеческого тела об капот, хруст костей. Хочу заткнуть уши, но не могу – это всего лишь видение. Я кричу оглушительно, но беззвучно. Ты падаешь на асфальт, кровь медленно растекается, заполняя собой всё пространство перед глазами. Всё останавливается. Тишина. Густая, тянущаяся и красная, тяжело пульсирующая где-то в районе висков.

Я просыпаюсь в холодном поту. Подняться не могу: перед глазами всё ещё твоё распластавшееся на дороге изувеченное тело. Медленно прихожу в себя, выхожу на улицу. Холодный ветер быстро приводит мысли в порядок, я, тяжело дыша, сажусь на ступеньки.

Всё было не так. Даже мои воспоминания лгут мне. Снова и снова я вижу эту чудовищную картину, созданную моим травмированным воображением, не в силах это оставить. Я не видел твою смерть, не видел, как это произошло. Помню, в тот день я проснулся от звонка в дверь. Ты должна была вернуться из командировки, я ждал тебя. Мы с тобой были

счастливы и наивны, мы верили, что всё у нас будет так, как мы хотели. Но за дверью стояла не ты.

– Вы знаете её? – они назвали твоё имя.

– Это моя жена.

– Нам очень жаль, произошёл несчастный случай...

Я больше не слушал их, я всё понял. В тот момент я не почувствовал ничего. В самой глубине моего тела тогда что-то оборвалось, и я просто стоял и смотрел на эти строгие лица. Их было двое. Женщина лет тридцати с белыми высветленными волосами и яркой помадой и парень, совсем ещё молодой, видимо, только недавно поступивший на службу. Она что-то говорила, что-то объясняла, а он стоял и сухо кивал головой. Зачем он вообще сюда притащился?

– Мы приносим искренние соболезнования.

Искренние. Соболезнования. Охотно верю. Я захлопнул перед ними дверь. До свидания. Не нужны мне ваши соболезнования.

Я пролежал на полу, смотря в потолок, больше суток. Я не мог плакать. Всё, что мне было дорого, исчезло за один момент, и мне было досадно, что я не могу ничего исправить. Я ненавидел себя, ненавидел мерзавца, который тебя сбил, ненавидел этих двоих в форме. Тогда я ненавидел всё, что меня окружает. В морг на опознание я не поехал. Возможно, из-за этого твоя мать так набросилась на меня, когда я, выходя с кладбища, ещё раз взглянул на свежий холмик и крест с твоим именем. Я никогда ей не нравился. Я не оправдывал

её ожидания. Не такого мужа она хотела своей дочери. Дурёха, что же ты её не послушала...

– Тебя не должно было здесь быть, – ей нужно было излить на кого-то свою злость. Её можно понять: она потеряла единственного ребёнка.

Я посмотрел на неё равнодушно, развернулся и ушёл. Она что-то крикнула вслед, но мне было всё равно, я не хотел больше видеть ни её, ни кого-либо другого.

Водителя оправдали: он действительно был не виноват. Мне довелось его встретить однажды. Он подошёл ко мне и произнёс:

– Не думаю, что вы когда-нибудь сможете меня простить, но, поверьте, мне очень жаль. Если бы я только мог хоть чем-то помочь...

В его глазах читалось искреннее сожаление, было видно, что он места себе не находит. И, тем не менее, я инстинктивно сжал кулак и ударил его. Он вытер рукой пустившуюся из носа кровь и посмотрел на меня:

– Бейте ещё. Я действительно этого заслужил.

Я опешил. Я стоял перед ним, а он стоял предо мной и хотел, чтобы я его ударил. Это было необычно и странно. Мне стало мерзко при мысли о том, что я готов был избить этого человека. Я понял, что перешёл черту, и в гневе на самого себя выбежал на улицу.

Уже светает. Лёгкий утренний снегопад окончательно сгоняет пелену воспоминаний. Я смотрю вдаль: старый лес, под-

ражая танцу, неспешно тяжёлыми еловыми лапами, сгоняя с ветвей только что нападавший снег. Я люблю тайгу. Она с детства притягивает меня к себе своей бесконечной возвышенностью. Всё уйдёт, и только вечный лес будет стоять здесь всегда. Поэтому сюда я и приехал. Я надеялся, что этот монастырь, симбиоз Бога и тайги, сумеет помочь мне забыть. Видимо, я ошибся.

Завтрак готов. Я накладываю горячую кашу в тарелки, завариваю лечебный травяной чай и иду к Старцу. Сегодня он бодр, приветствует меня кивком головы, разрешает войти. Я присаживаюсь на старый качающийся табурет и смотрю, как Старец медленно пьёт горячий чай и согревается.

– Вам бы поесть, батюшка, – говорю я, указывая на тарелку.

– В будущей жизни мне еда не понадобится, – усмехается он, – а я уж почти там.

– Батюшка, скажите мне, – вдруг резко начинаю я, – для чего Господь заповедовал нам любить, если любовь всегда приносит лишь боль и несчастье?

Старец смотрит на меня пристально и долго, словно пытается что-то прочитать на моём лице:

– Любовь – она ведь разная бывает. Что любовь, а что зависимость? Если ты только одного человека любить можешь, а больше никого, что же это за любовь?

Он прав. Только любить мне больше некого. В тот день я навсегда забыл, что такое любовь. Я смотрю на это испещ-

рѣнное болезнями и старостью лицо, на мудреца, который, увы, ничем не в силах мне помочь, и молча выхожу из кельи.

На следующую ночь Старцу становится хуже. Он хрипит и слабо вздыхает, ни на секунду не переставая произносить Иисусову молитву. Я сижу у него в келье, тускло освещаемой керосиновой лампой, и смотрю, как внутри неё слабо трепещет маленький огонёк. Старец совсем плох, он поворачивается ко мне и просит воды. Я подаю ему стакан, но руки у него трясутся, поэтому приходится самому подносить воду к его губам. Ему давно пора показаться врачу, но он не хочет: боится умереть за стенами монастыря. Я понимаю, что ему недолго осталось, но не хочу его отпускать: за недолгое время, проведѣнное в этой обители, я успел привязаться к этому всегда погружѣнному в себя, неразговорчивому, но полному любви и благодати старику. Через несколько часов Старцу полегчало, и он уснул. Я вздохнул с облегчением.

Утром приехал Инок. Он выглядел уставшим и разбитым. Это всегда происходит с ним, когда он уезжает из монастыря. Шум и суeta городов пугают его, пробуждают в нём какие-то страшные глубинные воспоминания, от которых он, как и я, убежал сюда.

Мы сидим с ним на скамейке за монастырѣм. Он достаѣт из кармана сигареты – верный знак того, что на душе у него сейчас неспокойно. Я смотрю, как он вдыхает в себя серый дым, обволакивающий его лёгкие отравляющим облаком, а затем выдыхает его, заражая никотином свежий зимний воз-

дух.

– Я снова видел её, – говорю я ни с того ни с сего.

Он будто не слышит меня, смотрит куда-то в небо, в пустоту, пуская туда облака дыма.

– Знаешь, парень, – вдруг отвечает он, – скольких я людей на тот свет отправил? Я вижу их всех. Каждую ночь. Они продолжают приходить ко мне даже тут, и я ничего не могу с этим поделать. Всю жизнь молиться и каяться буду, а всех грехов не замолить, каждой раны не исцелить.

Он замолкает и продолжает смотреть в пустоту, в его глазах чувствуется обречённость. Я поражён: никогда ещё он не был так откровенен со мной.

– Но... я не виноват в её смерти.

– Видимо, ты слишком сильно её любил, – заключает он, выпуская изо рта очередное облачко, – вот поэтому я никогда не привязываюсь к людям.

Рождественский пост подходит к концу. Даже здесь, в этом далёком заброшенном месте мы ощущаем приближение чуда. Инок оживился, он ни на секунду не покладает рук: убирает, красит, скоблит. Храм преобразился: за несколько дней мы вдвоём, несмотря на мороз, сумели привести его в порядок: покрасили стены, обновили плитку. Старец тоже приободрился: стал выходить из кельи и бродить по корпусу, а в последнюю неделю поста захотел отслужить несколь-

ко Всенощных бдений и Литургий, что делал довольно редко по состоянию здоровья.

Я стою на службе и вдыхаю нежный аромат ладана. В алтаре у престола на коленях, возведя руки к небу, стоит Старец, освещаемый огоньками лампад, и шепчет молитву. Впервые за долгое время я наконец-то чувствую душевное умиротворение, мне хорошо, и я не хочу никуда идти. Хочется, чтобы время остановилось, хочется навсегда остаться здесь, в этом моменте.

– Причащается раб Божий...

Я слышу своё имя и понимаю, что для меня праздник уже наступил.

Рождество совсем близко. В монастыре появляются первые паломники из соседних сёл, приехавшие, чтобы провести эти предпраздничные дни здесь вместе с остальными. Корпуса наполняются людьми, монастырь оживает. Инок, на удивление, не замыкается в себе, а ходит светлый и радостный. Пришло то нечастое время, когда он готов делиться своей душой с окружающими. Он привёз из леса большую ель с широкими густыми ветвями и теперь устанавливает её в центре монастыря. Я откопал в подвале рядом со старыми, поеденными молью облачениями большую коробку советских стеклянных ёлочных игрушек, лежащих там со времён колонии. Они весело поблескивают на ветвях, отражая собой яркий лунный свет. Инок досадует, что в монастыре нет электричества: с гирляндой было бы куда красивее.

Среди гостей я замечаю молодого священника явно не из этих краёв. Он периодически вздрагивает от холода, всё сильнее закутываясь в свою лёгкую куртку. Он ходит по монастырю, внимательно всё разглядывая, словно присматриваясь.

На следующую ночь я увидел его в алтаре. Он стоит сбоку от Старца, воздев очи к небу. Он, как и все присутствующие в храме, сейчас является свидетелем величайшего чуда, произошедшего две тысячи лет назад, но оставившего неизгладимый след на всём человечестве. Рождение Христа, явление Бога среди людей. Я чувствую его прямо здесь, сейчас, словно не было никаких двух тысяч лет.

– Рождество твое, Христе, Боже наш, воссия миру свет разума...

Я ощущаю в глубине души какое-то давно забытое чувство, от которого становится так тепло и радостно, что хочется плакать и смеяться, хочется петь, и я пою вместе со всеми:

– В нем бо звездам служащий звездою учаеся...

Горят свечи и лампы, светятся лица молящихся, Старец будто помолодел: таким радостным и бодрым я не видел его ещё никогда.

– Тебе кланяются, солнцу правды, и тебе ведети с высоты востока...

Служба заканчивается, но Рождество не заканчивается никогда, оно продолжает жить в наших сердцах, согревая их

своим теплом.

– Господи, слава тебе!

После службы все спускаются в трапезную, приведённую нами в порядок перед праздником. В воздухе витает домашняя семейная атмосфера. Каждый угощает тем, чем богат: старушки напекли пирогов, наготовили салатов. О таком изобилии яств я не мог и подумать.

– Так уж здесь у нас принято, – улыбается Инок, ставя на стол большой шоколадный торт собственного приготовления, – престол, как-никак.

Возможность видеть счастье у него на лице – настоящее Рождественское чудо. Улыбаясь ему в ответ, я понимаю, что научился радоваться за других людей, и впервые за долгое время чувствую себя по-настоящему счастливым.

Среди гостей я замечаю врача, которого видел однажды в городе. После празднования я подхожу к нему и прошу осмотреть Старца. Тот соглашается и после длительного и тщательного осмотра подходит ко мне.

– Батюшка совсем плох, – начинает он, но это я и так знаю, – то, что он сегодня был так бодр, настоящее чудо.

– Сколько ему осталось?

– Две недели... В лучшем случае месяц.

Праздничное настроение как рукой снимает. Я знал, что Старцу осталось немного, но не настолько. С этого дня ему действительно с каждым днём становится хуже и хуже. Он больше не ходит: лежит у себя в келье и горячо молится. Мы

с Иноком поочерёдно дежури́м у него. На Крещение он находит в себе силы отслужить Литургию. Все мы понимаем, что это его последняя служба, и от этого на душе становится так тоскливо и грустно, что хочется плакать.

На следующий день в монастырь приехал местный епископ вместе с тем молодым священником, который служил у нас на Рождество. Они долго сидели в келье у Старца и о чём-то беседовали. Затем тот исповедался и причастился Святых Христовых Таин.

Я вхожу к нему. Старец выглядит умиротворённо, однако на глазах блестят капельки слёз: он, как и любой человек, боится смерти. Я хочу у него что-то спросить, однако ком в горле мешает мне, и я лишь складываю руки для благословения. Он пристально смотрит на меня: это какой-то новый, необычный взгляд, он как будто видит меня насквозь. Я думаю, что сейчас Старец скажет что-то такое, что объяснит мне всё, но он лишь поднимает свою дрожащую старческую руку и благословляет меня. Я молча выхожу из кельи.

Он отошёл утром, когда первые солнечные лучи только показались из-за верхушек деревьев.

– В руци твои, Господи, предаю дух мой... – только и успел сказать он перед смертью.

Мы сидим в трапезной и молчим. Инок, опустив голову, вертит в пальцах вытащенную откуда-то зубочистку. На его глазах блестят слёзы.

– Сейчас Старец в лучшей жизни, там, куда всю жизнь

стремился – вздыхает он.

В трапезную входит быстрыми шагами, почти вбегает, епископ и размашисто крестится на иконы:

– Упокой, Господи, душу усопшего раба твоего! Хороший был старик... – вздыхает он, а затем, повернувшись к нам, говорит. – Ну, братья, знакомьтесь: ваш новый наместник, отец Никодим.

Отец Никодим приветствует нас кивком, а владыка продолжает:

– Мы монастырь с Божией помощью быстренько в порядок приведём. Монахов сюда переведём. А то какой же это монастырь без монахов? – он снова смотрит на нас. – Храм восстановим, туристы-паломники сюда потянутся. Хорошо же? Монастырь-то у вас вон какой древний, история с шестнадцатого века тянется. В общем, заживём! Согласен, отец Никодим?

Монах кивает, и владыка радостно растекается в улыбке:

– Ладно, нам пора, отец Никодим. Ждите, братья, скоро вернёмся, – и они выходят из трапезной. Слышно, как на заднем дворе заводится мотор архиерейского автомобиля, а затем этот звук растворяется вдалеке.

– Началось, – угрюмо склонив голову к столу, вздыхаю я, – а для меня здесь всё закончилось.

– Всё меняется, – отвечает Инок, поднимая голову, – может, и нам с тобой пора измениться?

– Но я не могу, – дрожащим голосом начинаю я, – не мо-

гу просто так взять и измениться. Впервые за долгое время я нашёл здесь покой, а теперь что? Нет, я не могу. Я уеду. Куда-нибудь дальше на север, дальше от всех этих людей, не знаю, куда, но уеду...

На меня опять накатывает. Я чувствую, как по лицу начинают течь слёзы, и выхожу на улицу, чтобы отдышаться. Морозный воздух звенит в ушах. Бесконечный лес шумит, ветви елей двигаются в такт ветру, словно единый организм. Я кричу во весь голос, но мой крик растворяется в нескончаемом шелесте ветвей. Тайга безразлична, ей нет дела до наших печалей и радостей, она веками стояла здесь, и будет стоять, когда все мы превратимся в прах. Я ощущаю шаги подступающего ко мне чувства глубокого одиночества, как болота, затягивающего меня в пучину.

Я снова вижу тебя. Ты стоишь где-то вдалеке и тянешь ко мне руки. Я начинаю тянуться к тебе, я почти чувствую прикосновение твоих теплых рук, я хочу взять их и целовать, вдыхая их запах, но ты отдаляешься от меня: всё глубже в лес, всё глубже в крепкие объятия суровой тайги. Я понимаю, что бегу, однако не могу остановиться. Я чувствую, что хочу бежать. Дальше, дальше, дальше, дальше. Туда, где только лес и приятное ощущение небытия. Господи, почему это снова произошло? Почему все, к кому я привязываюсь, кого я успеваю искренне полюбить, умирают? Неужели мне нельзя просто быть счастливым?

Я спотыкаюсь и падаю в мягкий сугроб. Мне не хочется

вставать. Я вижу единственный выход здесь, в теплых объятиях зимы. Я раскидываю руки и начинаю погружаться в снег, чувствуя, как холод охватывает все части моего тела. Глаза закрываются, и я отключаюсь.

Я лежу в горячо натопленной келье, а надо мной суетится Инок. Я вижу его далёкие очертания, чувствую мокрую тряпку на лбу, слышу голоса где-то высоко наверху.

Я падаю. Качусь в бесконечно глубокую яму, а вокруг давящая пустота. Лишь далеко в вышине виднеется маленькая точка света, от которой я уношусь со скоростью реактивного самолёта. Повсюду голоса: знакомые и незнакомые. Один удаётся распознать: это голос местного врача. Значит, меня вытащат, значит, не всё потеряно. Я расплываюсь в блаженной улыбке.

Передо мной поле, полное цветущего рапса. Тёплый ветер слабо колышет жёлтые цветы, превращая поле в огромное волнующееся море. Я счастлив, потому что могу летать. Моё тело лёгкое, как воздух, я отталкиваюсь от земли и, рассекая ветер, стремительно несусь вперёд. Там меня ждёт нечто особенное, то, к чему я стремился всю жизнь. Я вижу Старца, хочу облететь его, но он останавливает меня. Я чувствую, что цель совсем близко, что осталось совсем немного, но Старец строго смотрит на меня, и я подчиняюсь.

– Оставайся, – слышу я его голос где-то глубоко в подсо-

знании, – ты нужен монастырю.

Я опять оказываюсь посреди шумного города. Передо мной с невероятной скоростью проносятся машины: одна за одной. И ты бежишь ко мне, пересекая проезжую полосу. Я закрываю глаза, предчувствуя ужасный финал, но вдруг ощущаю на своих плечах твои руки. Ты перебежала. Ты смогла. Я открываю глаза и смотрю на тебя. Сейчас ты такая же живая, как в день последней нашей встречи. Я обнимаю тебя и горячо целую.

– Как же я тебя люблю, – говорю я, а по моим щекам текут тёплые слёзы счастья.

Ты улыбаешься. Я растворяюсь в твоей улыбке и прихожу в сознание.

Инок сидит на стуле рядом с кроватью и дремлет, то опуская, то поднимая голову в такт дыханию. Я растроган: он сидел со мной всё время моей болезни. Он открывает глаза и смотрит на меня, уголки рта его невольно поднимаются.

– Наконец-то, – восклицает он с нескрываемой радостью, – вот ты и очнулся.

Я приподнимаюсь на кровати.

– Можешь мне объяснить, зачем ты пошёл в лес? Если честно, ты заставил меня волноваться.

Пожимаю плечами:

– Лучше не спрашивай.

– Ладно... Я рад, что всё обошлось. Доктор сказал, что тебе надо ещё немного полежать, но скоро ты совсем придёшь

в порядок. Так что, – он хмурит лицо, словно пытаюсь что-то вспомнить, – выздоравливай поскорее.

– Спасибо, постараюсь.

Он выходит из кельи, а я улыбаюсь ему вслед. Никогда бы не подумал, что этот нелюдимый человек может быть таким заботливым.

С этого дня моё самочувствие становится всё лучше и лучше. Жар спадает, исчезает и тяжёлый кашель, во время которого мне каждый раз казалось, что мои лёгкие вырываются наружу. Наконец наступает утро, когда я чувствую себя совсем здоровым и готовым выйти из кельи. Монастырь за время моей болезни сильно изменился. На его территории появились новые монахи, строители и реставраторы. Я вижу Инока, разговаривающего с новым настоятелем. Он что-то ему настойчиво объясняет, указывая на храм. Заметив меня, Инок подходит.

– Если ты точно решил, что уезжаешь, – начинает он, пожимая мне руку, – я помогу собрать вещи.

«Оставайся», – проносится в голове последнее наставление Старца.

– Никуда я не поеду, – уверенно отвечаю я и улыбаюсь, – я должен остаться. Старец сказал, что я нужен монастырю. Для меня ведь здесь всё только начинается.

Инок улыбается в ответ:

– Я рад, что ты сумел отпустить, – он хлопает меня по плечу, – у тебя всё ещё впереди.

Я смотрю вслед его удаляющейся фигуре и думаю о том, как сильно изменился этот человек со времени нашей первой встречи. Он сумел отпустить своё прошлое, но отпустил ли я? Не знаю... Однако я чувствую, что начало положено, и поэтому счастлив.

Разбавляя черноту звёздного неба ярко-розовыми полосами, над монастырём поднимается солнце, и я понимаю, что больше, чем я нужен монастырю, монастырь нужен мне.